

нием этой идеи стала медаль «В память Отечественной войны 1812 г.». В ней мы видим: на аверсе — его признание и подчинение высшему Провидению (олицетворенному в образе «Ока»); на реверсе — вечная благодарность и слава имени Его (в форме парафраза) — все это в рамках христианского дискурса и в контексте священного писания (Псалтыря). Если же «религиозность» царя, в целом, была «die Grosse politik» [8, с. 25], а парафраз лишь подражанием отцу — мы все равно видим погруженность и осмысленное понимание (следовательно, использование в позиционировании) Священного Писания Александром I. Он грамотно подобрал нужные православным людям России образы — глубокие для дворянства и не менее значимые для общей прослойки солдат (особенно благодаря Андреевской ленте). Медаль «В память Отечественной войны 1812 г.» стала прецедентом для новой традиции памятных наград.

Библиографический список

1. Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/> (Дата обращения: 03.11.2025).
2. Бартошевич В.В. Наградная медаль участника Отечественной войны 1812 года как памятник эпохи. М., 1992. URL: <https://medalirus.ru/stati/bartoshevich-nagradnaja-medal-otechestvennoi-2.php> (Дата обращения: 30.11.2025).
3. Война 1812 года: Хроника Ровно 200 лет назад: 200-й день войны. Манифест об окончании Отечественной войны. URL: <https://1812.nsad.ru/220> (Дата обращения: 30.11.2025).
4. Корнилов А.А. Курс Истории России XIX века. М., 1993.
5. Майоров В.В. «Не нам, не нам, а имени твоему» // Военно-исторический журнал. 2004. № 1. С. 60-61.
6. Медаль в память Отечественной войны // Холодковский И. М., Годлевский Н.Н. Нумизматические памятники Отечественной войны. Описание медалей и жетонов 1812-1912 гг. СПб., 1912. С. 46-47.
7. Петров Николай Игоревич Монеты царствования Павла I и евангельский рассказ о динарии кесаря // Христианское чтение. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monety-tsarstvovaniya-pavla-i-i-evangel'skiy-rasskaz-o-dinari-kesarya> (Дата обращения: 11.11.2025).
8. Чернов С.Л. «Мистицизм» Александра I // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. №3 (66). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mistsizm-aleksandra-i> (Дата обращения: 08.11.2025).

Д.А. Костин

Самарский государственный социально-педагогический университет

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРЕД КРЫМСКОЙ ВОЙНОЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Исследование дипломатической подготовки России перед Крымской войной опирается на дипломатическую переписку и архивные материалы МИД. Современная историография дополняет традиционное изучение

“Восточного вопроса” институциональными и биографическими подходами.

Работы О.А. Чернова, использующие метод “аналитической биографии” на примере Н.В. Чарыкова, раскрывают механизмы формирования дипломатических кадров. Этот подход, перекликающийся с исследованиями Л.Е. Горизонтова и С.Л. Тихвинского, позволяет анализировать не только официальную политику, но и профессиональную культуру дипломатов, реализовавших ближневосточный курс накануне войны.

Внешнеполитическая стратегия России перед Крымской войной определялась ключевыми целями: установление протектората над православным населением Османской империи — главная задача, обоснованная реинтерпретацией Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года [7].

Обеспечение безопасности кавказского тыла через нейтрализацию Персии для избежания войны на два фронта.

Европейский контекст характеризовался дипломатической изоляцией России. Предложения Николая I Великобритании о разделе Османской империи были отвергнуты и восприняты как угроза [2].

Кульминацией конфронтации стала ультимативная миссия князя Меншикова (февраль–май 1853 г.), требовавшая официального закрепления российского протектората над православными подданными султана. Под давлением западных держав Османская империя отвергла эти требования, сделав войну неизбежной [12].

Критически важным элементом подготовки стала системная работа по обеспечению стабильности на Кавказе. К 1840-м годам в правящих кругах империи созрело понимание неэффективности сугубо силовых методов. Императорская директива 1842 года предписывала переход к комплексной системе, основанной на сочетании военной силы с политическими средствами, нацеленной на интеграцию региона и «постепенное усмирение горских племен» [3].

Реализация этой доктрины была возложена на наместника Кавказа светлейшего князя М.С. Воронцова [1]. Его назначение было обусловлено уникальной компетенцией: происхождение из семьи с глубокими дипломатическими традициями, знакомство с британскими имперскими практиками и опыт макрорегионального управления. Воронцов систематизировал разведывательную деятельность, использовал сеть агентов и субсидии для влияния на персидских сановников, а демонстрация мощи Кавказской армии служила весомым аргументом в дипломатических переговорах [4].

На тегеранском направлении ключевую роль сыграл министр-резидент Н.А. Аничков. Его главной стратегической задачей было обеспечение нейтралитета Персии для предотвращения войны на два фронта. Методы деятельности Аничкова включали: адресную работу с элитами, в частности с великим визирем Мирзой Ага Сиддиком, с использованием экономических стимулов и субсидий [5]; жесткое соблюдение условий Туркманчайс-

кого договора, где торговые преференции служили инструментом давления; активную разведывательную деятельность, обеспечивавшую Санкт-Петербург и Тифлис своевременной информацией о намерениях шаха и деятельности британских эмиссаров [6].

Значительный вклад в формирование восточной политики вносил чиновник Азиатского департамента МИД И.Ф. Бларамберг, чьи аналитические справки и отчеты о внутривосточной ситуации в Персии легли в основу многих дипломатических инструкций [8].

Таким образом, дипломатическая подготовка Российской империи на Ближнем Востоке накануне Крымской войны представляла собой комплексную стратегию. Несмотря на провал в европейских столицах и авантюристичность миссии Меншикова, тактические успехи на периферийных направлениях оказались значимы. Системная политика Воронцова по интеграции Кавказа и виртуозная дипломатия Аничкова в Тегеране, нейтрелизовавшая Персию, позволили России избежать катастрофической войны на два фронта и сосредоточить силы на главном театре военных действий. Этот опыт демонстрирует важность синхронизации центральной дипломатии с региональной политикой и адресной работы с местными элитами в реализации имперских внешнеполитических задач.

Библиографический список

1. Архив князей Воронцовых. Кн. 35. М., 1889. 468 с.
2. Бапст Э. Истоки Крымской войны: Франция и Россия с 1848 по 1854 год. Пер. с фр. Петров И. И. М.: Изд-во Ф. Алькана, 1912. 689 с.
3. Записка императора Николая I о задачах политики на Кавказе, 15 ноября 1839 г. // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тбилиси, 1881. Т. 9. 589 с.
4. Захарова О. Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов: Рыцарь Российской империи. М.: Центрполиграф, 2001. 128 с.
5. Иванов А.Е. Российская дипломатия в Персии накануне и в период Крымской войны: миссия В. В. Аничкова // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2018. № 4. 16 с.
6. Костяшов Ю.В. К характеристике дипломатического корпуса Российской империи в конце XIX — начале XX века // Новый исторический вестник. 2023. №2. 21 с.
7. Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией, заключенный 10 июля 1774 г. // Тексты международных договоров России с государствами Европы и Азии (XIX — начало XX вв.). М., 1998. 149 с.
8. Семенов А. А. Роль И. Ф. Бларамберга в формировании восточной политики России накануне Крымской войны // Вестник архивоведения. 2019. № 2. С. 46.
9. Чернов О.А. Дипломатический корпус Российской империи конца XIX — начала XX вв.: опыт аналитической биографии (по материалам Н.В. Чарыкова): дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2020. 844 с. EDN: JTSMW
10. Чернов О.А. Особенности и факторы становления и карьеры дипломата в контексте биографии Н.В. Чарыкова // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2023. Т. 14. № 9 (131). DOI: 10.18254/s207987840028141-4 EDN: WWUABL

11. Clarendon to Seymour, March 23, 1853 // The Annual Register, or a View of the History and Politics of the Year 1853. London : J.G. & F. Rivington, 1854. 349 p.

12. Rose to Clarendon, March 25, 1853 // Eastern Papers. Part I. No. 134. 128 p.

С.А. Коробкин

Саратовский государственный университет

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ САРАТОВА И ЦАРИЦЫНА В ПУТЕВОМ ОЧЕРКЕ Е.И. РАГОЗИНА «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РУССКИМ ГОРОДАМ»

В пореформенную эпоху Россия вступила на путь капиталистической модернизации, сопровождавшейся развитием транспортной системы, ускорением торгово-промышленного развития и усилением урбанизационных процессов. Изменения в жизни общества способствовали активному росту интереса читателей к материалам историко-краеведческого характера. Авторы стали приводить не только общее описание местного населения и хозяйства, но и затрагивать актуальные проблемы социально-экономического развития регионов и отдельных городов [1, с. 71].

Одним из примечательных авторов этого тематического направления является Евгений Иванович Рагозин (1835–1906) – русский общественный деятель, экономист, публицист, редактор-издатель газеты «Неделя» [3, с. 506]. Итогом его поездки по Пензенской, Самарской, Саратовской и Тамбовской губерниям, состоявшейся в 1887 году, стал путевой очерк «Путешествие по русским городам», опубликованный в 1891 году в журнале «Русское обозрение» [1, с. 71].

В этой работе Е.И. Рагозин дал краткий обзор основных сфер жизнедеятельности городов, уделив особое внимание их экономическому положению. Обратившись к местной статистике, он привел данные о динамике численности населения, состоянии городского хозяйства, ценах на жилье. Важным критерием авторской оценки уровня развития города стало состояние культурно-образовательной сферы. Главную причину бурного роста городов экономист обосновано видел в строительстве железных дорог, способствующих укреплению межрегиональных связей и формированию единого общероссийского рынка.

Побывав в Саратовской губернии, Рагозин посетил два ее крупнейших города – Саратов и Царицын.

Характеризуя губернский город Саратов, Рагозин отмечает активный рост местного населения, которое в период с 1851 по 1888 год по его подсчетам выросло втрое и составило 123 410 жителей. Активному развитию города способствовала железная дорога, привлекавшая рабочий люд на работы по перегрузке товаров. Большое значение в экономике Саратова играло сельское хозяйство на городской земле, занимавшей 80 тыс. десятин [2, с. 254].